

**РАЗДЕЛ I. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ**

**Т.А. Гридина
Екатеринбург**

**Психолингвистические аспекты исследования
детской «неологии»**

Детская речь традиционно рассматривается как сфера лингвокреативной деятельности, связанной с усвоением языковых форм и значений. Одной из ярких особенностей детской речи является ее «неологический» дискурс. Так называемые инновации детской речи (мотивационные модификаты готовых слов, семантические, словотворческие) опрокидывают стереотипы автоматизированного использования языка, поражая наше во многом «зашоренное» языковое сознание свежей логикой». Ср.: *Мама, поиграем в паровозик! – Нет, сынок, у меня ноги подкашиваются от усталости. – Ты что, мало каши съела?* (4 г.) // *В духовной семинарии они там учатся на духовых инструментах?* (9 л. 11м) // *Наездники – это те, которые на всех наезжают* (4 г.) // *А кутузка это что?* (После объяснения). *А при чем здесь Кутузов* (11л.7 м.) // *Йоги – это мужья Бабы-Яги?* (8 л.) и т.п.

Термин «неологизмы» применительно к инновациям детской речи, статус которых бесспорноokkaзионален, употребляется нами в известной степени условно. Вместе с тем этот термин указывает на стабильность основных черт «детского языка», типологическую однородность детских инноваций с точки зрения их лингвокреативной направленности – продуцирования новых языковых форм и значений на базе уже освоенного. Под «неологическим дискурсом» детской речи, таким образом, имеются в виду типичные проявления лингвокреативного мышления ребенка в области осмысления готовых языковых единиц и порождения новых слов.

Традиционное рассмотрение инноваций детской речи, разрабатываемое в системоцентрической парадигме, сводилось к установлению соответствия (а точнее, несоответствия) «неологизмов» ребенка языковой норме. В рамках названного подхода

к изучению фактов детской речи было установлено, что в усвоении языка ребенок опирается на самые глубинные, самые общие закономерности языкового механизма, интуитивно используя в своей речевой практике только «правила», соответствующие «закону» языковой симметрии (К.И. Чуковский, Д. Слобин, С.Н. Цейтлин и др.). Свойственное детям чутье системы «опровергает» алогичность (немотивированность) языковых форм и значений, закрепленных традицией и нормой и составляющих идиоматику любого языка. Безусловным открытием системноцентрического направления в изучении детской речи явилось то, что язык усваивается ребенком как операциональный механизм, а не просто как совокупность его реализаций. Эта мысль оказалась продуктивной для перехода к изучению детской речи в системно-функциональном и когнитивно-дискурсивном аспектах, которые активно и плодотворно разрабатываются в онтолингвистике, психоллингвистике и когнитивистике (С.Н. Цейтлин, Н.И. Лепская, Н.В. Уфимцева, К.Ф. Седов, Е.С. Кубрякова). С точки зрения функциональной, детская речь есть дискурс, в котором последовательно сменяют друг друга складывающиеся в процессе накопления речевого опыта и постижения языка частные, динамичные системы форм и значений, позволяющие ребенку удовлетворять свои коммуникативные и когнитивные потребности. Когнитивно-дискурсивная парадигма, как указывает Е.С. Кубрякова, задает новый ракурс рассмотрения неологизмов – «как материала, отражающего акты осмысления мира» в дискурсивной деятельности человека [Кубрякова 2004: 9]. Данная парадигма релевантна и для изучения детской неологии как феномена речевой креативности ребенка, использующего язык в качестве гибкого «алгоритма», дающего выход «свободной энергии» творчества говорящих.

В психоллингвистическом ключе (с учетом показаний языкового сознания ребенка) подлежат рассмотрению следующие процессы неологического дискурса детской речи:

1) спонтанное детское словотворчество, проявляющее нереализованный языком потенциал как способ «восполнения» номинативного дефицита и/или недостаточности единиц взрослого

языка для указания на актуальные для детей свойства обозначаемых реалий;

2) мотивационная рефлексия, касающаяся осмысления / «прояснения» внутренней формы готовых слов, сопровождаемая процессами реноминации и ремотивации;

3) характер осмысления детьми семантической функции существующих в языке слов (в частности, процессы расширения и сужения значения как способ актуализации прототипических когний);

4) функции непреднамеренных метафорических переносов и сравнений в образном представлении обозначаемого (разные проявления способности ребенка мыслить образной аналогией);

5) рассмотрение разных видов языковой игры как осознанной интенции ребенка к нарушению канона, что сопряжено с экспрессией нестандартной формы и содержания речи.

Исследуя характер детских словотворческих инноваций в лингвокогнитивном аспекте, можно выделить две их функциональных разновидности:

1) словотворчество, направленное на мир реальный, соотносительное с когнитивным развитием ребенка и выражающееся в создании инноваций, либо компенсирующих отсутствие узуального слова в лексиконе ребенка, либо «проявляющих» ракурс видения объекта, актуальный для детского сознания;

2) словотворчество, направленное на сам язык, когда объектом рефлексии становятся способы означивания, выведенные ребенком из той модели мира, которая представлена языком; отталкиваясь от этих «правил», ребенок моделирует некую систему условных номинаций, «выстроенную» по законам собственной языковой картины мира и имеющую лишь опосредованную связь с внеязыковой реальностью.

«Игра» языковых потенций (как способ компенсации дефицита речевого опыта) проявляется в детской речи в следующих процессах:

1) омонимическое словообразование (детская инновация, случайно совпадающая с готовым словом, потенциально способна выражать тот окказиональный смысл, который придает ей ребенок): *голубчик* «маленький голубь», *пончик* «сыночек лошадки-пони» и др.; в подобных случаях чаще всего компен-

сируется дефицит речевого опыта ребенка или лакуарность языка в сфере номинаций соответствующей предметной области (в приведенных примерах это отсутствие специальных наименований для *птенца голубя* и *детеньшиа пони*); то, что в языке выражается обобщенным родовым наименованием, часто оказывается недостаточным для ребенка; ср. *дворняжка* «женщина-дворник», *штукатурка* «женщина штукатур» – заполнение лакун в системе номинаций женских профессий по соотношению с мужскими;

2) создание неологизмов, образующих параллельные узусу номинативные ряды (системы). Язык при этом используется как самонастраивающийся операциональный механизм, позволяющий ребенку соединить соответствующую когницию с речевой «материей». Это выражается в ряде специфических для детской речи принципов когнитивной «обработки» отрефлексированных языковых алгоритмов:

- использование принципа отталкивания от конкретного слова-образца или усвоенной модели словообразования для установления языковой симметрии, что выражается в достраивании детьми отсутствующих звеньев в узуальной системе номинаций или корректировке «несимметричных» способов выражения лексических и грамматических языковых оппозиций. Ср.: *нетеряха* «тот, кто ничего не теряет» – симметричный, ситуативно значимый антонимический коррелят узуального *растеряха*; *старуха* и *старух* (структурно подравнивающая замена оппозиции *старик* и *старуха*); *свинья* – *свинух* (устранение родовой недифференцированности в названиях особей животных); *красняк*, *желтяк*, *зеленяк* – ситуативные конкретизирующие «модификаты» слова *синяк*;

- заполнение номинативных лакун (при отсутствии в языке однословной номинации для выражения соответствующего содержания) путем свертывания (вербализации) словосочетаний (по принципу семантического включения): *листеть* «покрываться листвой» (о деревьях), ср. *зеленеть* – без указания на конкретный объект-носитель процессуального признака; *овнучиться* «стать бабушкой», ср. сходные в структурном отношении глаголы типа *ощениться*, *окотиться*. В когнитивном пла-

не, однако, детская инновация и узуальные лексемы-прототипы не соотносятся. Когнитивная пропозиция детской инновации *овнучиться* – «результат какого-то события (появление внуков), не зависящий от субъекта, к которому относится данная характеристика». Ср. *оцениться* – «родить щенков» (о собаке) – результат действия (рождение щенков), произведенного самим субъектом этого действия. Подобные факты спонтанного словотворчества обусловлены ментальными доминантами детского сознания и свидетельствуют об эвристической силе формальных аналогий (собственно языковой техники) в процессах детского словотворчества. Через одну и ту же словообразовательную структуру «пропускаются» разные когнитивные. Ср. потенциальные номинации, ориентированные на актуальные для детей когнитивные при использовании освоенных ономаσιологических структур: *ансамблист* «участник ансамбля»; *асфальтильщик* «рабочий, занимающийся асфальтированием дорог»; *базарник* «человек, торгующий на базаре»; *бухарь* «о том, кто падает, бухается» и др. Результат «соединения» когнитивного и собственно языкового опыта ребенка демонстрирует потенциальную вариативность (идиоматичность) содержательного наполнения соответствующих языковых моделей: характеристика лица по действию (+ значение произвольности и повторяемости этого действия – *бухарь*). Такие детские инновации раскрывают механизм идиоматических приращений, возникающих в самом процессе порождения слова. Ономаσιологическая модель не задает жесткой схемы толкования слова, а лишь профилирует его значение (например, носитель процессуального признака), варьируемое в зависимости от актуализации разных аспектов когнитивного базиса наименования;

- создание словообразовательных номинаций, синонимичных нормативному слову (как немотивированному, так и мотивированному; последнее может быть неизвестно ребенку или не удовлетворять его ментальным ориентирам); ср.: *печаталка* «принтер»; *объедалка* «обжора»; *наподушник* «наволочка»; *кораблист* «моряк»; *найка* «наседка»; *тушител* «пожарники»; *чехолок* «колпачок от ручки»; *буйны* «волны»; *бульбулька* «река» и т.п.;

• «уточнение» или «прояснение» внутренней формы слов путем их частичной формальной модификации или соотнесения с понятным мотиватором. Инновации этого типа обнаруживают операциональную значимость механизмов ремотивации и реноминации как способа актуализации и объяснения значений слов. См. факты мотивационной рефлексии, сопровождающие создание детьми таких инноваций: *Где эта уколка (иголка), которой я руку уколол?* (5 л.) // *Петушок, петушок, золотой причешок!* (4г.) // *Мама, смотри, какая белонка (болонка) хорошенькая* (5 л.) // *Я знаю, почему этих собак называют баллонки, они толстые и круглые, как баллон* (6 л.) и т.п. Подобные инновации детской речи можно ранжировать по степени когнитивной «оправданности» избираемого средства означивания и способа объяснения названия. В частности из приведенных примеров видно, что основания для мотивации «разворачиваются» как в опоре на какие-то «реальные» предметные эталоны (ср. *белонка* вместо *болонка* – собачка, имеющая преимущественно белый цвет шерсти), так и в опоре на собственно языковые (звуковые, структурные, словообразовательные аналогии): ср. *петушок – золотой причешок* (вместо *гребешок*) под влиянием типовой синтагматики *причесываться гребешком* (очевидно, при невосприятии метафорической мотивации слова *гребень, гребешок*).

Когнитивные и языковые факторы, способствующие модификации (переименованию, частичному видоизменению) ребенком узуальных слов, вступают в сложное взаимодействие, выявляя семантизирующую функцию мотивационной формы и роль внеязыкового знания (в частности ситуативного) в обосновании речевых ходов, предпринимаемых ребенком. Наибольшей парадоксальностью обладают случаи семантизации слов на основе случайного фонетического сходства с понятной созвучной лексемой. Ср.: *Индусы индюков разводят?// Шиповник – тот, кто шипит* и т.п. Однако и в таких случаях ребенок находится «под воздействием» целого ряда языковых моделей, в которых закреплены актуальные, уже освоенные им когнитивные (знания о мире). Например, объясняя для себя значение слова *шиповник*, ребенок действует в соответствии с логикой словообразовательной пропозиции «характеристика лица по склонности к какому-либо

действию», в случае с *индусы* – в соответствии с пропозицией «характеристика лица по роду его деятельности, профессии». Структурные аналогии с уже освоенными лексемами могут поддерживать парадоксальную мотивацию как операциональный механизм семантизации слова.

В процессе речевого развития ребенок с неизбежностью проходит разные стадии постижения логики языка, которая может представляться ему «нелогичной». В этом смысле можно говорить о детских инновациях как проекции когнитивного опыта ребенка на язык. В данном процессе активно проявляется и стремление детей к построению собственной языковой реальности, склонность к манипулированию осваиваемой языковой формой и найденным (выведенным) алгоритмом ее порождения. В целом инновации детской речи создают особое лингвоментальное пространство – поле реализации языковых возможностей в проекции на картину мира, сформированную на основе когнитивного и собственно речевого опыта ребенка.

Словотворчество, направленное на сам язык, – это предпосылка осознанной языковой игры, когда манипулирование языковой формой и значением приобретает явно условный, непрагматический характер. Рефлексия над языковой формой приводит ребенка в данном случае к креативному речевому ходу, обнаруживающему ее «новое», неожиданное видение. Ср.: *Бегония есть, а шагонии нету?* (5 л.) // *Если есть мамонты, должны быть и папонты* (6 л.) // *Это папоротник? А где же маморотник?* (6 л.) // *Есть дятел (смеясь) ... и тётел* (7 л.) // *Полынь (шутл.) – это потому, что она из земли полы пробивает?* (5л. бм.) // *А почему пломбир – это не врач, который ставит пломбу* (6 л. 7 м.) // *Наш папа – автомат, отгадай почему? – Почему? – Потому что он папулька, пулька ... автомат* (6 л.).

Как видно из примеров, логика наименования «переворачивается» путем переключения мотивационного кода. Так, квазиантомические параллели к узуальным словам – *шагония*, *маморотник*, *папонты*, *тётел* – называют, по сути, не существующие в действительности объекты, и именно это составляет основу преднамеренной языковой игры, когда можно «созерцать» одновременно и истинное положение вещей, и отклонение от него (прототип, «просвечивающий» сквозь игровую трансфор-

му, придает «новообразованию» ассоциативную двуплановость). Например, условная (игровая) оппозиция *дятел – тётел* моделируется по принципу реального семантического противопоставления слов *дядя – тётя* в рамках тематической группы «названия родственников» или «обозначение лиц мужского и женского пола» (актуальное для детской речи). Чем дальше от языкового прототипа (реальной семантики слова, его звуковой формы, структурной или словообразовательной модели) отстоит игровая трансформация, чем больше ассоциативная дуга, соединяющая эти два элемента игрового поля, тем ярче (сильнее) достигаемый использованным приемом языковой игры эффект. Можно отметить и такую особенность мотивационного механизма языковой игры, как ассоциативная выводимость самих шагов, ведущих к осознанию лингвистического парадокса. Так, парадоксальное толкование слова *пломбир* («врач, который ставит пломбы») основано на актуализации мотивационной модели, представленной в словах, называющих лицо мужского пола по роду деятельности (ср. *командир, бомбардир* и т.п.). Точность словообразовательной аналогии является весьма приближительной, однако логика мотивационной игры вполне понятна. Для сравнения приведем пример иной игровой интерпретации того же слова детской речи: (Бабушка внуку). *Пломбир вредно тебе, от него зубы портятся. Мальчик: И неправда, пломбир едят, чтобы пломбы из зубов не вылетали* (10 л.). Из контекста понятно, что ребенок знает реальное значение слова «пломбир», а парадоксальная мотивация меняет предметную отнесенность слова в опоре на ассоциативные (структурные) аналогии с названиями лекарственных препаратов (ср. *эликсир*). Во всех таких случаях игровой эффект основан на переключении мотивационного стереотипа, связанного с восприятием значения слова и его внутренней формы, в чем проявляется возможность реализации потенциальной многозначности и вариативности языковых структур.

Знание значения слова требует от ребенка большей креативности в нахождении нового (потенциального) ракурса его интерпретации, незнание же значения раскрепощает ассоциативный поиск.

Обнаружение потенциального мотивационного «кода», на основе которого моделируется игровой (нереализованный) «смысл» уже существующего слова зеркально отражает естественное для ребенка «чутье» мотивационной формы слова.

Не только мотивационные парадоксы, отмечаемые детским языковым сознанием, становятся базой для преднамеренной языковой игры, но и то лингвоментальное пространство, которое формируется каждым ребенком в собственном номинативном регистре. Рассмотрим лишь некоторые примеры проявления интенции детей к осознанной игре с языковыми значениями и формами:

1) игра с уменьшительно-ласкательными формами слов. Например: *Мамуся ты моя*, (вздыхает) *ягуся* (4 г.8 м.) – обращение мальчика к матери, которая только что его поругала. Использование уменьшительно-ласкательной формы имени, обладающего отрицательной коннотацией (ср. Баба-Яга), выступает в речи ребенка как способ переключения оценочного вектора с отрицательного на положительный (смягченная оценка, выраженная уменьшительной формой *ягуся*, – сигнал к примирению). Кроме того, рифмованное словообразование (весьма распространенный в детской речи прием обыгрывания сближаемых слов) – *мамуся-ягуся* – подчеркивает шуточный и «миролюбивый» характер обращения ребенка к матери;

2) обыгрывание значений фразеологизмов. Например, В.К. Харченко описывает ситуацию, когда ребенок, собирая сумку в школу, обнаруживает, что в ней нет места для пакета с яблоками, смеется: *Вот дела! Яблоку негде упасть!* (13 л. 7 м.) Актуализация ребенком внутренней формы фразеологизма имеет характер осознаваемой языковой игры. Ср.: *А почему говорят «спать валетом», а не «спать дамой, королем»?* (8 л.) – детский вопрос о внутренней форме фразеологизма, направленный на ее парадоксальное обыгрывание. Преднамеренная игра с фразеологизмом предполагает, однако, такой уровень развития семантической компетенции ребенка, когда он уже способен к усвоению переносных значений слов и выражений;

3) образно характеризующие метафорические номинации детской речи. Ср.: *Наша елка красивее. Она в серебряной юбочке* (5 л.4 м.) // *Посмотри, какого я котеночка пушистого нашел*

(5 л.) – о распутившейся почке вербы. Такого рода номинации детской речи отражают способность ребенка мыслить образной аналогией, не отождествляющей предмет буквально с тем «образом», в виде которого он (этот предмет) представляется сознанию (мягкая почка вербы для ребенка не реальный котенок, а нечто *пушистое, как котенок; серебряная юбочка елки* – это тот образ, в котором ребенку видится *мишура, ее украшающая*). Приведенные факты отличаются от явлений «сдвинутой референции», связанных с расширением денотативной отнесенности слова из-за несформированности семантического компонента языковой способности – незнания всех наименований определенной предметной области и различий в значениях тематически сходных слов. Ср.: *На мочалке мыльный шрам* (5 л.4 м.) – вместо *мыльная полоса, мыльный след*. Непреднамеренность подобных детских метафор не «умаляет» их яркости и характерологичности. В метафорических номинациях этого типа явно «просвечивает» детская ментальность (основанная, в частности, на олицетворении всего окружающего мира). Ср.: *Давай сатурны и юпитеры считать!* (5 л.). Метафоры и сравнения детской речи построены чаще всего на случайных ассоциативных аналогиях. Например: *Я разложил белье, что ты погладила, шоколадкой. – Это как? – Квадратиками* (5 л. 3 м.) // *У мамы глаза травкой поросли, у бабушки по глазам речка течет, у бабушки глаза измазаны серым, а у меня с папой как чернобурые лисички!* (5 л.5 м.). Осознанное моделирование парадоксальной образной аналогии – основа собственно игровой метафоры. Ср., например, высказывание ребенка, имеющее явно шутивно-провокационный характер: (Смеется): *А «Машина времени» (вокально-инструментальный ансамбль) – это часы?* (7 л. 9 м.). Переключение переносного (условного) смысла названия группы в буквальный план (деметафоризация) при понимании алогичности (абсурдности) собственного толкования создает «доступный» ребенку (соответствующий уровню его языковой компетенции) эффект языковой игры;

4) явления мотивационной рефлексии, сопровождаемые установлением неожиданных ассоциативных аналогий между лексемами: Ищет на карте аэропорт: *А Крюково – это не Внуково?* (8 л. 8 м.). Структурная аналогия, обнаруженная ребенком, соз-

дает неожиданный эффект ассоциативного отождествления названий, различных по внутренней форме. Такая спонтанно возникающая рефлексия над формой слова может переходить в осознанный прием языковой игры. Ср.: Машинист электровоза объявляет: *Следующая станция «Петушки»*. Реплика ребенка 4-х лет: *А потом будут «Курочки», «Цыплятки», «Утятки»...?* Задумывается, затем продолжает смеяться: *А потом «Пирожки», «Шанежки», «Сапожки», «Ботиночки»...* В данном случае в разворачивающемся игровом дискурсе происходит смена трех «сюжетных» линий ассоциирования, заданных словом-стимулом «Петушки»: последовательное тиражирование модели в рамках тематических групп «Названия птенцов», «Названия стряпни», «Названия обуви». Объединяющим фактором становится структурное подобие подбираемых «условных» названий станций. Ребенок выстраивает игровое (виртуальное) пространство, сообразуясь с реальным прототипом, но доводит логику наименования до «осознанного абсурда». Креативность речевого поведения ребенка проявляется в способности «продуцировать разные идеи в сравнительно неограниченной ситуации» [Трик 1981]; к этой же группе детских инноваций можно отнести явления преднамеренной игровой ремотивации и реноминации: *бутерврот* (шутл.) «бутерброд»: *Это не бутерброд, а бутерврот* (4 г. 8 м.); *припесня* «припев»: (Поет припев песни). – *Это присказка, нет, (смеется) припесня* (7 л.11 м.) и т.п.;

5) словообразовательные инновации детской речи, созданные с установкой на шутку и/или подчеркнуто экспрессивное обозначение признака. Установка на шутку делает детскую инновацию игровой. Например: *У меня сегодня энциклопад!* (12 л.) – о падении энциклопедий с полки // *У нашей кошки шерстопад!* (6 л.). И в первом, и во втором примерах детского словотворчества содержится шутливая экспрессия, связанная с тем, что обозначаемое уподобляется некоему стихийному природному явлению (ср. *энциклопад* – падение энциклопедий, подобное камнепаду, *шерстопад* – интенсивная линька шерсти у кошки, ср. листопад); черты детской ментальности проявляются в свободном сопоставлении реалий предметного и природного мира. Ср.: *Я нарисовал электросолнце!* (5 л. 3 м.) – номинация, имеющая подчеркнуто экспрессивный характер, выражаемый

первой частью сложения (*электро-*), которая является нестандартным средством указания на интенсивность признака «яркое». С установкой на шутку часто создаются «антонимические» номинации детской речи. Например, *электрически* (шутл.) – противоположное «механически»: – *Я механически это сказала. – А теперь электрически скажи!* (7 л. 3 м.). Антонимический код языковой игры вообще оказывается наиболее «нагруженным» в детской речи, очевидно, потому, что постижение признаков предметов проявляется наиболее ярко в их противопоставленности, и, кроме того, антонимические оппозиции – это один из способов установления языковой симметрии, характерный для детского языкового сознания. Антонимические оппозиции позволяют «высветить» и намеренно смоделировать языковой парадокс. Ср.: – *Мне некогда. – Нет, дакогда, дакогда! // Это у очков оправа, а где олева?// Есть дятел и тетел* и т.п. Ср. также детские словообразовательные номинации, отмеченные в [Харченко 1994] как шутливые: *автоботаник* «тот, кто и цветы изучает, и автомобили ремонтирует» (5 л. 6 м.); *горячедильник* – «антоним к *холодильник*»: *Это холодильник, а это (смеется) горячедильник* (6 л.);

б) семантические игровые инновации, состоящие в намеренно парадоксальном толковании детьми готовых слов и выражений с акцентированием актуального для ребенка (часто ситуативного) смысла. В случае преднамеренной игры с семантикой слова ребенок понимает условность собственных толкований. Ср.: *Бабушка, кто такие террористы? – Это те, кто самолеты угоняет. – Значит, мама террористка* (смеется), *она меня вчера со двора угнала!* (7 л.). Явное несоответствие заданной и собственной интерпретации слова *террористы* свидетельствует об осознанной интенции ребенка к шутливой семантизации наименования, спроецированного на прямое, а не на переносное значение глагола «угонять» (использованного при объяснении незнакомого ребенку слова). Данный тип игрового дискурса детской речи требует от ребенка способности увидеть «семантическую функцию объекта и предложить его новое использование» (по Х.Трику, это критерий креативности, называемый «спонтанной семантической гибкостью»). Примеры из детской речи показывают, что преднамеренная семантическая игра –

один из показателей, выявляющих достаточно развитый уровень лингвистической компетенции ребенка. Ср., например, каламбур с использованием в игровой семантической функции специальных наименований *брутто-нетто*: *Масса книги без цитат – нетто, а с цитатами – брутто* (12 л.).

Лингвокогнитивный анализ детской неологии позволяет сделать следующие выводы:

- инновации детской речи отражают операциональность формирующегося языкового сознания ребенка, «соединяющего» когнитивный опыт освоения мира с семантикой языковых форм и значений;

- эвристический характер детской неологии выступает в трех ипостасях: первая ипостась – это спонтанный речевой ход, выявляющий потенциальную интерпретационную вариативность операциональных языковых алгоритмов, реализованных в конкретных знаковых формах и значениях; вторая ипостась – это осознанный речевой ход, связанный с коррекцией существующих форм и значений в соответствии с особенностями ментальных ориентиров (ценностных констант картины мира) ребенка; третья ипостась – это речевой ход, задающий неожиданный ракурс восприятия языковой формы по специально смоделированному «условному» алгоритму ее «прочтения» (истолкования).

Литература

Гридина Т.А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи. – М., 2006.

Кубрякова Е.С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. Т.1. – М.-Тамбов, 2004.

©Гридина Т.А., 2011